

Op85.11
Д 69

В.В. Дорофеев

Архитектура
Оренбурга
XVIII-XIX
веков

В.В. Дорофеев

ор 85.11
269

ор 85.11

85.113 (2Рос36-40р)

Оренбургское региональное отделение
Союза архитекторов России
Народоская областная организация

ВВЕДЕНИЕ

Архитектура
г. Оренбурга
XVIII – XX веков

9 295438

Оренбург – 2007 ✓

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

em

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОРОДА-КРЕПОСТИ

Город Оренбург заложили 19/30/ апреля 1743 года и начали сразу строить, поскольку соответствующая подготовка – разметка и пр. – была произведена. Одновременно строилась крепостная ограда. Стояла задача обеспечить всех жильем до наступления морозов. Поэтому почти ничего заметного появиться не могло. Казенные постройки были преимущественно фахверковыми (сооружение, в основе которого каркас из столбов, перекладин и раскосов, пространство между ними заполняется камнем, битым кирпичом и другими материалами). Эти постройки не требовали большого количества древесины, которой в непосредственной близости было не очень много. Среди индивидуальных построек в первое время больше всего было, очевидно, землянок или жилья, невысокие стенки которого окружали углубление в земле.

Большинство построек, в том числе и фахверковые, было временками, но строилось всё на соответствующих дворовых местах, как тогда назывались усадебные. Распределение было спланировано заранее: казаки селились в восточной части города, солдаты – в западной, в ней же селились и другие группы новоселов. Казенные постройки располагались к югу от линии совр. ул. М. Горького и вдоль Большой улицы, тут же предусматривались места для высших офицеров и чиновников. Аналогично распределялись места и по второй планировочной оси, совр. ул. Ленинской.

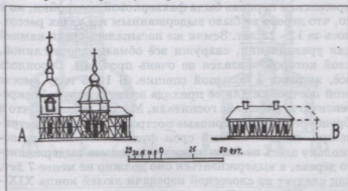
Храмы

Первыми солидными постройками были церковные здания. На проектном плане нанесены три храма. Относительно современного города, если не считать некоторого укорачивания кварталов в связи с превращением окружности в основе крепостной ограды в овал, они намечены следующим образом: 1-я – на набережной на оси совр. Дмитриевского переулка, 2-я – в западном торце квартала, выходящем между Ленинской и Пушкинской на ул. Кобозева, 3-я – на месте магазина «Буратино». В районе этих мест церкви потом и появились. Увеличилось и их число, ведь православие являлось идеологическим столпом Российского государства, а сам глава губернии И.И. Неплюев, основавший город, был глубоко и искренне верующим человеком.

Первая церковь была возведена за один сезон, строилась из бревен, доставленных, вероятно, из Бузулукского бора, так как из Башкирии их пришлось бы сплавлять, что для немедленного строительства не годилось. Привезенные бревна тоже вряд ли были выдержанными, но постройка и не предназначалась для многолетней службы. Строилась церковь всего около пяти месяцев, так как в сентябре её освятили во имя Успения Пресвятой Богородицы. Поставили её близко к намеченному в проектном плане месту, упомянутому выше под № 1, стояла она относительно современной ситуации между Дмитриевским и Южным переулками по оси квартала, немного смещаясь в восточную сторону. Ориентирована была точно на восток по натуральному показанию магнитной стрелки. Сейчас это место находится перед торцом квартала, не выходя за линию застройки торца широкого квартала к западу от Дмитриевского переулка. Как Успенская церковь выглядела, можно только предполагать. Ширина её, согласно цифрам, приведенным в экспликации плана Оренбурга 1751 г.¹ – 4 сажени, длина – 10 саж., что в метрической системе 8,52 м и 21,8 м соответственно. Церковь была соборной, больше в первые два года других церквей ещё не было. Колокольня должна была возвышаться,

ведь церковь была не только соборной, но и единственной в ближнем окружении. Наиболее стройным представляется восьмерик на четверике, последний мог в интерьере немного сливаться с церковным, ведь народу было много.

В следующем году начали строить церковь Пензенского полка. В экспликации к плану, где данные даются за 1744 год, сказано: «... зделана ныне вновь из дикаго камня при пензенском полку церковь». Но на самом плане она нанесена еле заметно рядом с четкой цифрой 1. На плане 1746 г., где показано состояние на конец 1745 года, эта церковь показана совершенно нормально². Кроме неё даны ещё две: одна в восточной половине крепости, называющейся казачьей слободой, а другая при госпитале. Все они «из дикаго камня». Как выяснилось при дальнейшем исследовании, это были фахверковые постройки; их места: церковь Пензенского полка находилась на предусмотренном месте в западной части квартала между совр. Пушкинской и Ленинской, выходя на ул. Кобозева; церковь в казачьей слободе занимала место, которое в проекте не предусматривалось. На этом месте ныне католическая церковь на ул. 8-го Марта. Госпиталь же был в квартале по северной стороне ул. Брыкина.

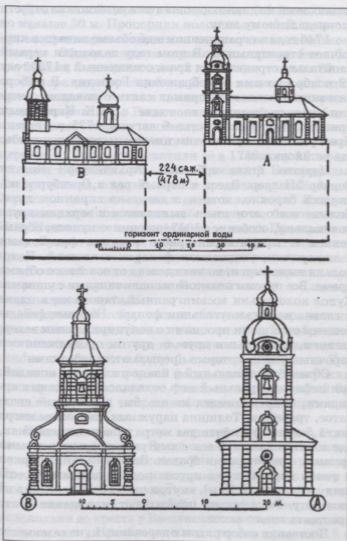
Фахверковые постройки.

А. Троицкая церковь

В. Первое адание губернской канцелярии, позже укороченное

Пензенского полка церковь была освящена во имя Троицы, по ней и улица стала носить это же имя (совр. Кобозева). Казачья церковь освящена была во имя Николая Чудотворца. При госпитале церковь называлась Воскресенской. В свое время эта церковь удивила при чтении её состояния в статье Ив. Сперанского «Церкви г. Оренбурга в прошлом столетии», где говорится, что к 1759 году храм очень обветшал, и по доношению священника «земля сыплется и от ветру церковь трясется, из четырех колоколов два расшиблены».³

В процессе исследования с привлечением других планов не раз встречал выражение «из дикаго камня», который был рядом: красный песчаник на склоне над поймой, известковый камень на Маячной горе. «Тряску» постройки это, однако, объясняло мало. Лишь благодаря статье к.а. Н.Л. Крашенинниковой «Облик русского города VIII в. на примере Оренбурга»⁴, где опубликованы 29 чертежей построек XVIII в., среди которых две церкви оказались фахверковыми сооружениями, удалось разгадать эту «тряску». Это упомянутые выше Троицкая и Никольская церкви, показаны их южные фасады, где фахверк четко выделяется. Исходя из этого, становится совершенно ясным не только то, что Воскресенская церковь была фахверковой постройки, но и то, что дерево не было выдержанным и в узлах рассохлось за 12 - 13 лет. Земля же насыпалась среди камней для уравнивания, снаружи всё обмазывалось глиной, слой которой оказался не очень прочным. Строилось всё, видимо, в большой спешке. В 1775 году вместо этой постройки для её прихода возвели новую Воскресенскую церковь вне госпиталя. Можно добавить, что в Оренбурге все фахверковые постройки не предусматривались на длительный срок функционирования, поскольку здесь не было нужного хорошего выдержанного дерева, а выдерживаться оно должно не менее 7 лет, как следует из словесной передачи людей конца XIX - начала XX века. Геодезисты и чертежники не были, очевидно, знакомы с термином «фахверк»; отсюда получается, что встречающийся в экспликациях «дом

А. Преображенский собор
 В. Введенский собор

мазанковый из дикаго камня» тоже невозможно отнести к определенному виду.

1746 года в ограниченном ещё объеме началось кирпичное строительство. В этом году заложили первый капитально строившийся храм, освященный в 1750 году 12 ноября во имя Преображения Господня. В выборе названия выявляется прямая связь с началом освоения края: экспедиция во главе с И.К. Кириловым пришла на Орское устье 6 августа 1735 г., в день Преображения, назвав этим именем и возвышенность, где остановилась.

Церковь стала соборной. Архитектор – Иоганн Вернер Мюллер. Здесь в первый раз в Оренбурге появилось барокко, хотя и в довольно скромном духе. Больше всего этот стиль выявляется в верхнем ярусе колокольни, особенно её завершении – куполе, обрамленном четырьмя характерного рисунка фронтонами с люкарнами, увенчанном фонарем с главкой. Колокольня выделяется, но не отделена от основного объема храма. Все проемы окантованы наличниками с ушками. Купол колокольни восьмигранный, такова же в плане и главка на восьмиугольном фонаре. Боковые фасады решены оконными проемами с полуциркульным завершением, связанными друг с другом продолжениями барочных ушек, которые прерываются лопатками⁵.

Объем базиликальный в плане с алтарной апсидой, три нефа; центральный неф отделялся от боковых аркадами, опирающимися на столбы; перекрытие сводчатое, травеями. Толщина наружных стен более метра (ок. 1,5 аршин) и почти два метра в опорных участках, где лопатка на одной оси с выступом под поперечными арками, отделяющими травеи. Западная стена церкви и стены двух нижних ярусов колокольни имели толщину в сажень (2,13 м), внутри проходила лестница на звонницу. Размеры эти показывают, что здание могло простоять много веков.

Поставили собор рядом с деревянным, но само место было самым высоким в крепости. Высота колокольни, включая карниз, но без купола и фонаря – около 22 м, до креста же было более 31 метра.

Длина самой церкви вместе с апсидой была несколько меньше 30 м. Пропорции колокольни — 1:3, поэтому она воспринималась издалека как что-то значительное, мощное. Общая ширина церкви в интерьере была более 10,5 м, а длина от дверей до алтаря — около 20 м.

Вскоре на набережной над Яиком появился ещё один храм, хотя в проектом плане здесь ничего такого не предусматривалось. Расположение новой церкви было в основных чертах симметрично Преображенскому собору относительно началу главной улицы. Заложили церковь в 1752 году. Осветили её в 1758 году 12 июля⁶ во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Автор проекта, видимо, тот же архитектор И.В. Мюллер, так как он служил здесь в эти годы. Следует заметить, что поселенцев поблизости не было много. И.И. Неплюев же в июне 1750 года писал Преосвященному Луке о нехватке церквей. Этот факт позволяет предположить, что строительство на данном месте имеет своей основой попытку ненавязчивого привлечения т. н. инородцев к православию. В соответствии с этим и создан проект храма.

Введенский собор своим объемно-планировочным решением принципиально отличается от Преображенского только в том, что колокольня не выделяется из основного объема, а будто бы надстроена на нем. Тем самым западный торцевой фасад оказывался широким и воспринимался парадно, имел ясно выраженный барочный характер, чему способствовали фланкирующие колокольню волюты.

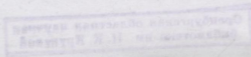
Пропорции этих двух церквей значительно отличаются друг от друга. Введенская была шире и ниже по абсолютным величинам. Так, наружные размеры Преображенской церкви округленно 13 м в ширину и 8 м в высоту; Введенская же — 17 на 7 м. Это дает отношение около 1,53:1 и 2,3:1 соответственно. Высота колокольни до креста у Введенского храма всего на метр меньше, чем у Преображенского, но сам храм на 3,5 м длиннее, и вертикаль колокольни не играет здесь такой самодовлеющей роли. Широкий западный фасад Введенской церкви с большими окнами и раскинутыми

9295438

большими волютами приглашает войти в просторный храм, а в интерьере – великолепие! Надо отметить, что благодаря повороту речного обрыва около церкви, торцевой фасад можно было хорошо видеть не только издали, но, по-видимому, и с переправы или моста. В таком расположении и лежит, как представляется, основная причина этого архитектурного решения, начиная с выбора места. На это И.И. Неплюев и нацелил, очевидно, проектировщиков или одного И.В. Мюллера.

На помещаемых рисунках показаны обе церкви в том порядке, как они стояли, если смотреть с южной стороны. Но исходя из последовательности их строительства, справа дана литера «А» (Преображенский), а слева «В» (Введенский). Расстояние между храмами дано на чертеже. Масштаб же относится к самим храмам и расстоянию до межени. В том же порядке расположены и рисунки их западных фасадов.

Упомянутые выше две фахверковые церковные постройки имели довольно своеобразный вид благодаря, главным образом, завершениям их колоколен и главкам, что ясно видно на рисунках. Ещё одна черта, объединяющая обе церкви, бросается в глаза – фахверк только в основном объеме, под восьмиугольным куполом восьмерик бревенчатый; иначе не могло и быть. Бревна, вероятно, хорошо отесанные. Тот же материал употреблен и в звонницах, где даже отличный фахверк был бы неуместен. Стиль барокко нашел отражение и в этих постройках. Купола на восьмериках сохранили тот же план, передав его своим главкам, выше которых все формы имели округлый план, но профиль различен. Таким образом, эти храмы тоже могли восприниматься с интересом. Строились они, видимо, не за один сезон, а за два. Помещения их были достаточно велики, чтобы поместить приходы. Длина Троицкой церкви без апсиды – 17,8 м и ширина – 7,8 м. Эта церковь и её план даны на рисунке⁷. Вторая церковь похожа на неё, но несколько меньше. Шпили церквей были характерны для барокко тех лет, но требовали серьезной работы. Нельзя с полной уверенностью сказать, что всё было выполнено согласно чертежам, но в структурном отно-

шении они новшеством не были, поскольку в Петербурге такие шпили были уже в 1730-е годы. Шпили и верхние части колоколен значительно, должно быть, оживляли в первые годы вид города-крепости не только внутри, но и подъезжая к Оренбургу, окруженному крепостным валом, который в районе ворот был ближе всего к завершению. Об особенностях крепостной ограды будет сказано ниже, после завершения описания первых храмов.

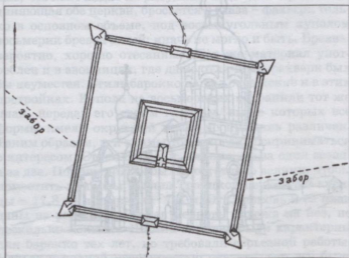
В годы правления И.И. Неплюева внутри крепостной ограды появились ещё две церкви. 5 мая 1755 г. «отстроена» надвратная церковь во имя Благовещения Пресвятыя Богоматери. Возведена она была на воротах нового Гостиного двора. Весь комплекс строился тоже по проекту И.В. Мюллера. Началось строительство в 1750 году. В 1757 году основана церковь на месте

Георгиевская церковь в казачьей слободе

первого Гостиного двора, для которой первоначально предполагалось место на другой стороне главной улицы, напротив. Освящена эта церковь в 1760 году. И.И. Неплюев же при этом не присутствовал, он уехал из Оренбурга в 1758 году, уйдя в отставку по болезни.

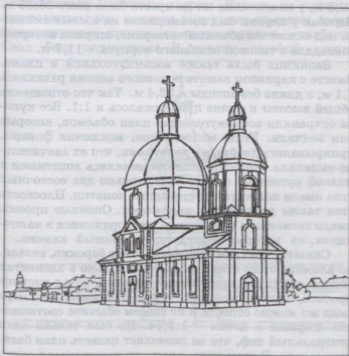
Прежде чем описывать эти две церкви, следует сказать о двух других храмах, появившихся при И.И. Неплюеве на периферии. Это Георгиевская церковь в загородной казачьей слободе, начавшей застраиваться не ранее 1752 года, и церковь на Меновом дворе. Георгиевская церковь освящена, очевидно, в 1756 году, так как атаман Могутов требовал тогда прислать священника со знанием калмыцкого языка, поскольку в слободе селились преимущественно калмыки. Возведен храм был на краю склона к пойме, место было ниже всего поселения, но хорошо просматривалось с левобережья Яика. Церковь не была большой, колокольня выделялась, но не отделялась от объема храма. Это был восьмерик на четверике с куполом, сохранявшим восьмиугольный план, также как и фонарик с луковичкой.

Меновой двор

(Позже, при восстановлении церкви после крестьянской войны, профиль на венчающей восьмерик части был значительно изменен, пропал оттенок барокко). Оконные проемы церкви с наличниками и сандриками, кривая которых не совпадала с таковой завершения оконного проема. Дверные проемы полуциркульного завершения имели наличники с ушками. Всё это придавало постройке барочный оттенок.

На Меновом дворе за Яиком тоже был храм. Там, на внутреннем Азиатском дворе, была небольшая Захарие-Елисаветинская церковь, освященная в 1757 году. Находилась она на воротах двора, при этом на тех, которые обращены были на юг, и каждый приезжавший из степи человек мог её видеть,

Петропавловская церковь, вид до 1786 года

входя через ворота большого двора. Это тоже поддерживает предположение о ненавязчивом привлечении к православию.

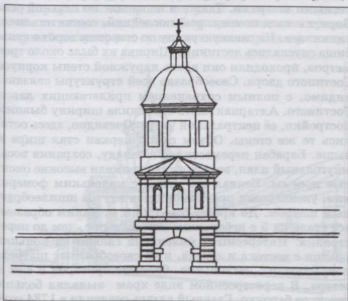
Далее можно вернуться к упомянутым выше двум храмам, связанным с главной улицей, начав с основной на месте первого Гостиного двора. Осветили её во имя святых Петра и Павла. Это была самая высокая церковь Оренбурга. Въезжающим в главные Сакмарские ворота она сразу бросалась в глаза. Таков примерно был её вид от этих ворот, показанный на рисунке. Высота её до купола равнялась 18,4 м, такой же была и высота до купола у колокольни, которая выходила из общего объема. Дальше колокольня уже отставала от церкви, у которой до фонаря было 24,5 м, а до креста — 30,6 м, у колокольни же до креста было всего 26,35 м. Барабан у церкви был восьмериком на возвышающемся над основным объемом четверике, ширина которого совпадала с таковой основного корпуса — 11,7 м.

Звонница была также восьмиугольной в плане. Вместе с карнизом высота основного здания равнялась 7,1 м, а длина без апсиды — 32,4 м. Так что отношение общей высоты к длине приближалось к 1:1. Все купола сохраняли восьмиугольный план объемов, которые они венчали. Углы восьмериков, исключая фонари, прикрывались двойными лопатками, что их значительно выделяло. Прямые углы оформлялись лопатками и мелкой рустовкой самого угла, только два восточных угла имели полностью рустованные лопатки. Плоскость стен также разделялась лопатками. Оконные проемы имели сегментное завершение, повторявшееся в наличниках, на которых выделялся замковый камень.

Сказать, что храм построен в стиле барокко, нельзя, но влияние этого стиля заметно не только в элементах декора, таких как наличники с ушками, но и в рисунке проемов, приеме выделения углов. В определенной мере сюда же можно отнести и не совсем обычное соотношение ширины к длине — 1:2,74. Но был только один центральный неф, что не позволяет назвать план базиликальным. В этом виде храм просуществовал очень короткое время, так как в 1786 году произошел огром-

ный городской пожар, уничтоживший около 2/3 застройки. Здание очень пострадало, лишившись, судя по отчетным чертежам, всего, что было над звонницей и барабаном. Перекалились, видимо, и верхние ряды кладки барабана, так как его понизили при восстановлении храма, также как и звонницу. Общий вид храма изменился, о чем будет сказано в связи с постройками XIX века. Здесь же следует ещё добавить, что в своем первоначальном виде храм должен был производить значительное впечатление на приезжающих. Архитектором храма мог быть тот же И.В. Мюллер, других архитекторов в эти годы не отмечено.

Иной оказалась служба надвратной церкви на Гостином дворе. Строилась церковь одновременно с одноэтажным Гостиным двором. Ворота, на которых она возвышалась, немного выступали из стены двора, фланкируемые широкими рустованными столбами. Свод был сегментным. В сторону главной улицы

Надвратная Благовещенская церковь

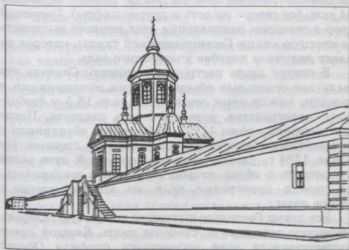
выходила и большая апсида, где был алтарь. Объем церкви имел ширину немного больше 7 м и был прямоугольным в плане. Барабан, решенный восьмериком, и купол с фонариком и главкой имели восьмиугольный план. До купола было около 17 м, а до креста — 23,5 м. Вертикаль этой небольшой церкви удачно противопоставлялась горизонтали одноэтажного Гостиного двора, что заметно на рисунке, особенно если представить себе его более чем двухсотметровую длину. Освящена церковь была 5 мая 1755 года во имя Благовещения Пресвятой Богоматери.

Церковь оказалась холодной в зимнее время, на это жаловался священник Иван Осипов. По его ходатайству храм стали перестраивать в 1775 году. Перестройка шла поэтапно, завершилась в 1784 году. Храм удлинился и расширился по обеим сторонам, а также с востока и запада устроили открытую галерею или гульбище, которое проходило сквозь два пристроя с интересными шатрами. Также и на западе по главной оси. Ворота и свод поменялись, последний, соответственно, удлинился. На главную улицу по сторонам ворот с гульбища спускались лестницы. Ширина их была около трех метров, проходили они вдоль наружной стены корпуса Гостиного двора. Своеобразие всей структуры связано, видимо, с полным сохранением прилегающих лавок Гостиного. Алтарная часть сохранила ширину бывшей постройки, её центральной части. Очевидно, здесь остались те же стены. Объем самой церкви стал шире и выше. Барабан переместился к западу, сохранив восьмиугольный план, все его стороны имели высокие оконные проемы. Венчал всё купол с маленьким фонариком, увенчанным прогибающимся внутрь шпалеобразным шатром. До креста было 28,8 м. Таким образом, всё стало на 5 с небольшим метров выше, чем до перестройки. Интересны и маленькие главки на коньках крыши с востока и запада, и на своеобразных шатрах, покрывавших маленькие боковые пристрои с юга и севера. В перестроенном виде храм выявлял больше оттенков барокко. Главный алтарь освятили в 1784 году в честь Вознесения Господня, церковь стала именоваться

Вознесенской. Во имя же Благовещения Пресвятой Богородицы освятили придел (очевидно, позже). На помещаемом рисунке показан вид храма с северной стороны, начиная от угла Гостиного двора вдоль главной улицы.

На Вознесенскую церковь обращали внимание приезжающие, в частности, доктор философии Теодор Фридрих Юл. Базинер, побывавший в Оренбурге летом 1842 г. В своей книге о путешествии он отмечает, что церковь «очень красивой постройки». ⁸ Можно добавить, что это писал иностранец, приезжавший из Германии в Россию в экспедицию.

Колокольня оставалась, как это было с самого начала, на противоположной стороне Гостиного двора. Это была фактически только звонница над западными воротами двора. В плане четырехугольная, она имела и купол того же плана с маленьким фонариком, служившим опорой креста. Проемы у звонницы имели полуциркульное завершение, углы выделены пилястрами или лопатками. Таков обзор православных церквей в первый полупериод существования города-крепости.

Вознесенская церковь, 1784 г. (перестроенная Благовещенская)

Казенные постройки

Сам Гостиный двор тоже был одним из первых капитально строившихся сооружений. Особенностью его были глухие стены в сторону улицы, в то время как в городах лавки выходили на улицу. Здесь же все 150 лавок выходили во двор. Причиной такого решения было, вероятно, обеспечение надежной охраны в пограничном городе, также и обеспечение таможенных сборов. Таможня находилась в центре двора. Одноэтажный двор строился на месте, предназначавшемся для трех кварталов, параллельных главной улице. Но в этом направлении его сделали длиннее, чем первоначально предполагали. Очевидно, пришлось бы сужать лавки по этим сторонам или убирать сразу по две, так как иначе нарушалась бы симметрия. По западной и восточной сторонам, кроме ворот, построили по 38 лавок, а по северной и южной – по 37. Угловые помещения, которые имели по два оконных проема на обе стороны, присоединялись к одной из лавок. Так что всего помещений было 154. С севера на юг Гостиный протянулся на 104 саж., а с востока на запад длина составляла 94 саж. (по север - юг есть и другие цифры). Гостиный двор в северном направлении стал немного выступать за красную линию Гостинодворской улицы, которая на плане получила подобие коленчатого вала.

В центре двора построили таможню. Сначала это были два отдельных объема с двумя помещениями в каждом, между ними оставалось около 16,5 м свободного пространства, игравшего роль пакгауза. После крестьянской войны 1773 - 1775 гг. его объединили с постройками таможни единой крышей и стенами. На плане 1784 г. здание представляет собой одно целое с воротами с обеих сторон. Постройка сохранилась, но уже с пристроями, один из которых сделан в 1830-е годы.

Все лавки Гостиного выходили на крытую галерею, решенную аркадами со стороны двора. Каждой лавке соответствовала арка сегментного профиля. Общий вид аркады производил впечатление солидности, твер-

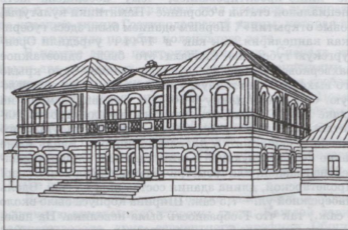
дости. Это впечатление усиливало и сводчатое покрытие галереи.

Крыша всего комплекса имела небольшую особенность, связывавшую её со зданием храма и со звонницей: стропила опирались на внутренний край наружных стен и кровля слегка изгибалась, выходя на карниз.

В некоторых публикациях говорится, в связи с функциональным назначением комплекса Гостиного двора, что он предназначался для зимней торговли, летняя же была на Меновом дворе. Следует подчеркнуть, что это заблуждение уже хотя бы потому, что никаких печей в лавках не было, не говоря уже о том описании Базинера, где он пишет о множестве народа разных национальностей в Гостином и особенно рядом на базаре (он был с западной стороны). Одноэтажность не мешала летней торговле. С внешней стороны глухие стены оживлялись вертикалью Вознесенской церкви с её пластикой, разнообразие вносили и окна у углов. До наших дней дошел один юго-западный угол.

В те же годы строились капитально и другие казенные здания, гражданские и военные; некоторые же лишь проектировались, чему посвящена часть специальной статьи в сборнике «Памятники культуры, новые открытия»⁹. Первым зданием была здесь губернская канцелярия, так как в 1744 г. учредили Оренбургскую губернию. Сначала это было одноэтажное фахверковое Г-образное в плане здание. Одно крыло его выходило на главную улицу, другое — на набережную. Оба имели длину в 10 саж. Таковы размеры на плане 1751 г. Тогда же, очевидно, начали строить капитальные здания канцелярии, начав с одноэтажного слегка Г-образного в плане кирпичного. Вдоль ныне давно несуществующей в этом квартале улицы, параллельно главной, или геометрического продолжения совр. Пролетарской, длина здания составляла 15 саж. Вдоль Набережной ул. — 7,5 саж. Ширина корпуса было около 6 саж., так что Г-образность была невелика. На набережную выходило 6 оконных проемов, организованных парами, разделенными рустованными лопатками.

Затем началось строительство центрального здания, в связи с чем часть фахверковой постройки разобрали, оставив длину вдоль набережной равной таковой новой кирпичной постройки. Центральный объем был Н-образным в плане, двухэтажным, длина главного фасада – 12,5 саж. Решен он двумя боковыми ризалитами шириной по 4 саж., выступающими всего около 1 саж. Ризалиты связаны балконом на уровне междуэтажной тяги и опирающимся на четыре колонны. Дворовая сторона в плане одинакова. Постройка стояла на высоком цоколе, общая высота её вместе с карнизом почти 5 саж. Первый этаж имел сводчатое покрытие и был ниже бельэтажа. Снаружи его крепость подчеркивалась рустовкой, окнами незначительной высоты, шириной же совпадающими с проемами бельэтажа. Всего на каждом этаже было по 7 проемов на лицевом фасаде, один из них, находившийся на оси симметрии, был дверным, на первом – вход, на втором – выход на балкон. Оконные проемы бельэтажа были высокими и выделялись на плоскости стены наличниками с барочными ушками. Такой же наличник обрамлял и более широкий дверной проем. Огражде-

Губернская канцелярия, центральное здание

ние балкона завершалось горизонталью, переходящей в подоконные тяги на ризалитах. Углы их выделялись лопатками с вертикалью ниши на каждой. Балконную дверь венчал невысокий треугольный фронтон на карнизе. На проектном чертеже крышу ограждала типично барочного характера балюстрада, венчая всё здание, характер стиля которого становился неоспоримым. Было ли это осуществлено, сказать затруднительно, поскольку на чертеже 1797 года ограждения крыши нет¹⁰. Помещаемый рисунок основан на этом чертеже.

Чертежи данной единицы хранения содержат планы, главные фасады и поперечные профили казенных зданий в связи с изменением статуса города. Всей работе в 1786 году предшествовал упоминавшийся обширный городской пожар. Поэтому балюстрада могла пострадать. Нужно ещё отметить, что ко входу вела лестница, которая была шире ниши между ризалитами. Прогал между колоннами был шире, чем боковые интерколумнии, что выделяло портал.

Далее нельзя опустить проект здания, которое составило бы значительный противовес губернской канцелярии на другой стороне главной планировочной оси, Губернской улицы. Это был бы губернаторский дом. Он был одинаковой высоты с канцелярией, но почти в два раза длиннее её. В центре возвышалась аттиковая надстройка, оживляющая восприятие. Декор был пышным. Описание всех особенностей заняло бы слишком много места. Здание было лишь заложено, но не построено, хотя занимает значительное место на перспективе Оренбурга 1760 года, составленной инженер-капитаном Александром Ригельманом, где есть ещё ряд никогда не существовавших проектных сооружений.

Цель этой работы состояла, вероятнее всего, в показе перспективы в Петербурге иностранным дипломатам, чтобы убедить их в солидности форпоста империи, его готовности отразить любые нападения. Анализ дан в упомянутом сборнике «Памятники культуры, новые открытия». Здесь об этом сказано, поскольку

перспектива воспринимается как должное многими учеными, в т. ч. и архитекторами.

Но одноэтажные здания, которые находились по сторонам главного, были построены. Они составили прямоугольник, внутри которого оставалось значительное свободное пространство, в сторону набережной осталось свободным то, что было отведено двухэтажному зданию. Напротив оставили выезд из двора. Губернатор занимал здание, обращенное в сторону главной улицы. На набережную выходила часть здания длиной всего в 8 саж. По главной улице дом протянулся на 26 саж. Вся же длина вместе с пристроем составляла 39 саж. В пристройке были подсобные помещения. Главное здание стояло на высоком цоколе, повышавшемся по мере понижения грунта в северном направлении. С южного конца уличного фасада было сначала 4 оконных проема, освещавших главное помещение, которое в сторону набережной имело три проема того же ритма. Далее в северном направлении проемы шли парами, которых было 8. В четвертой паре один проем был дверным. Таким образом, он находился ближе к средней части этого протяженного фасада, но асимметрия являлась незакономерной. Таким было начало главной улицы в XVIII веке по стороне, ловившей восходы. Таким же оставалось здание и в XIX веке, во всяком случае, в его первой половине, обрета, возможно, лишь немного декора. В 1797 г. стены были крепкими, только полы и потолки требовали ремонта.

Дальше по этой стороне Губернской улицы, как официально стала именоваться главная, которую, вероятно, чаще называли Большой, в первые годы стояли времянки. Непосредственно за губернаторским через узкий переулок находился аманатный двор, потом там же школа, но всё это было преимущественно фахверковым. О месте к северу от губернской канцелярии на плане 1751 г. в экспликации сказано: «Дом секретаря Рычкова по длине 23 саж.». Под словом «дом» имелось в виду дворовое место. Так что был ли дом уже построен или ещё строился, сказать нельзя. Сохранившийся дом был завершен постройкой в 1754 году¹¹.

Внушительный дом на высоком цоколе, заметном и сейчас, когда т. н. культурный слой значительно поднялся. Объем высокий. На чертеже 1797 г. предпоследний к северу проем — дверной, с крыльцом и ступенями. В эти годы дом помещал казенную аптеку, так как П.И. Рычков, очевидно, продал его в 1760 г., уходя в отставку. Представляется возможным предположить, что выход на улицу делался для аптеки. Таким дом показан на рисунке. Декора на фасадах нет.

На упомянутом выше плане показана казарма вдоль Проезжей улицы (совр. М. Горького), но в экспликации указано: «порозжее место 61 1/2 саж.» Место под казармы было, видимо, уже размечено, так как вскоре они, первые действительно капитально построенные, появились. Относительно современной ситуации они проходили вдоль южной стороны ул. М. Горького от ул. Каширина до ул. 9-го Января. Каменные казармы составляли прямоугольник, внутри которого был двор, где находились подсобные постройки в т. ч. летняя кухня. Сюда же выходили чуланы, пристроенные к стене казарм. Оконные проемы по всему периметру выходили на улицу, как на Проезжую, так и на названный по ним, но теперь не существующий в этой части Казарменный переулок; часть его сохранилась

Казенная аптека в доме бывш. П.И. Рычкова

западнее. Выезд из двора выходил на запад, где был небольшой плац, так как совр. улица 9-го Января здесь ещё не застраивалась к тому времени, а потом осталась шире и далее в южном направлении. Это в какой-то степени заметно и ныне.

Казармы стояли на высоком цоколе, поскольку здесь был значительный уклон: в западной части цоколь достигал почти двух метров, а на восточном торце высота оказывалась всего около 60 см. Это заметно на помещаемом рисунке, где показан удаляющийся на запад северный фасад. Всего в казармах было 36 жилых помещений. Почти все соединялись по два, одно из них оказывалось проходным.

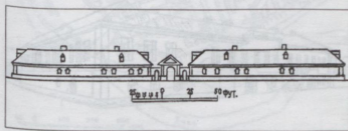
На каждые две пары имелся выход на улицу или во двор через сени. В каждом помещении имелось по два окна. В помещениях казарм высота потолка равнялась одной сажени (2,13 м). Внешне казармы были обработаны рустованными лопатками, которые выделяли углы и фланкировали дверные проемы. Все проемы выделялись и наличниками прямоугольных начертаний с прямоугольным выступом вместо замкового камня. Оконные наличники имели ещё по два прямоугольных выпуска из нижней горизонтали. Почти ко всем дверям вели пандусы¹². Казармы сначала назывались Пензенского полка, позже стали называться Нижними.

Нижние казармы

Еще одна важная армейская постройка – комплекс артиллерийского двора. Уже на плане города, где дано состояние застройки на конец 1745 г., показан «Артиллерийский деловой двор» в восточной части крепости около Никольского бастиона. Он нанесен в торце ещё незастроенного квартала на южной стороне будущей Гостинодворской ул. (Жирова), вписываясь в прямоугольную планировочную сетку. Но в 50-е годы, когда двор стал строиться капитально, его немного увеличили и внесли в бастион, ориентируя комплекс на левый фланк крепостного сооружения. Таким образом, двор вышел или выпал из планировочной структуры города. Прямоугольный двор почти через два века определил направление появившегося переулка, названного Студенческим; направление его на несколько градусов западнее остальных улиц меридианального направления, глядя с юга на север.

Артиллерийский или пушечный двор имел несколько одноэтажных кирпичных построек. В сторону площади, которую называли Артиллерийской, выходили боковыми фасадами два протяженных здания, между которыми был кирпичный забор с воротами. На лицевых фасадах было по 6 оконных проемов, организованных парами. Фасады были симметричны друг другу и по расположению этих пар. Окна имели наличники с барочными ушками. Крыша была высокой и довольно крутой, с чердачными окнами по два на каждой. Слуховые окна находились и в торцах, так как крыша была вальмовой. В соединяющей стене ворота были арочными, увен-

Артиллерийский двор

чанными треугольным фронтоном, по обе стороны от них были две калитки в соответствующих проемах. Таким образом, всё казалось на первый взгляд симметричным, благодаря соответствующему решению лицевых фасадов, включая и крышу. Но южный фасад был на 15 футов длиннее северного, что составляет около 1/8 длины последнего¹³. На помещаемом рисунке разницу можно заметить. При приближении к двору такую разницу вряд ли можно обнаружить. Здания сохранились, но только в отношении стен. Почти все старые проёмы, имевшие коробовое завершение, заложены, исчезли и наличники с барочными ушками. Появились прямоугольные проемы.

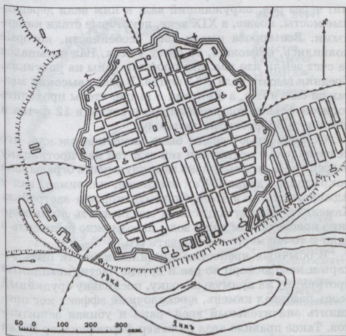
Остальные дома, связанные с армией в первый период, были преимущественно фахверковыми или более солидные, «мазанковые из камня». Последние времянками не были, но интереса в плане архитектуры, очевидно, не представляли.

Своеобразное здание появилось во второй половине 1750-х гг. в связи со строительством Гостиного двора, куда перешла торговля с мытного двора, который находился к западу от совр. ул. Кобозева и к северу от ул. Пушкинской. Там же была и полиция. На месте первого кабака и его соседства построили т. н. «винные выходы» — полуподвальные сводчатые сооружения для

Здания полиции и корчемной конторы на «винных выходах»

хранения спиртного. Было 4 подвала, параллельных друг другу, образовавшие вместе с помещениями вдоль Губернской и Пензенской (совр. Пушкинская) улиц прямоугольник. Подвалы были абсолютно изолированы друг от друга, выходы из них смотрели на восток. Каждый подвал перекрывался двускатной крышей. На прямоугольнике построили Г-образное здание, где помещались полиция и корчемная контора. К ним вели две лестницы, под которыми находились входы в цокольный этаж. На рисунке видно, что проемы обоих этажей не совпадают по вертикали, что связано с одновременностью строительства и приспособлением проемов к необходимости в верхней постройке. Нельзя исключить здесь и то, что к строительству не привлекался специалист - архитектор, поскольку даже малень-

Оренбург ко времени отъезда Ивана Ивановича Неплюева

кий фронтон на крыше и распределение оконных проемов на верхнем этаже не совмещаются.

Необходимо остановиться на оборонительных сооружениях Оренбурга. Они имели свою специфику, отходили от принятых норм того времени. Крепостная ограда – земляной вал – состояла из 10 бастионов и двух полубастионов, выходивших на высокий берег, где никакой ограды не было. В проекте же был бруствер с редантом в средней части, а в первоначальном проекте 1742 года вообще по всей окружности запланировали 13 бастионов.¹⁴ Отсутствие ограды в этой части связано с тем, что сам по себе обрыв играл достаточную защитную роль, а людей для крепостной работы было слишком мало, поскольку вал с бастионами имел длину более 5 км.

В город вели четверо ворот, все они были сводчатыми; через ров, окружавший вал, к ним вели деревянные мосты, позже, в XIX веке, некоторые стали каменными. Все ворота имели свои особенности, которые появились, возможно, не сразу у всех. Вал насыпался за счет земли изо рва. Его профили даны на рисунках. Средняя высота вала – 12 футов. В более высоких местах он был ниже, а в низких – выше, чтобы проходить горизонтально. Ров имел глубину также в 12 футов и ширину в 36 футов, но не всюду.

Особенностью ограды была каменная одежда, что не совпадало с правилами тех лет, так как противнику разрешалось видеть только земляную часть ограды, она покрывалась дерном. Так выглядел, например, вал у Адмиралтейства в Петербурге со стороны застройки. Каменную одежду или стены могли иметь лишь морские крепости, так как с воды невозможно было бить в одно и то же место и разбивать его.

В обычных крепостях каменными могли быть эскарп и контрэскарп во рве и другие части, невидимые противнику на прямую наводку, поскольку орудийный огонь разбивал камень, а осколочный эффект мог причинить значительный вред, ранив и убивая защитников. Такое правило ввел инженер-фортификатор Вобан (1633 – 1707), ставший маршалом Франции за свои фортификационные работы.

Оренбургские инженеры знали, разумеется, об этих правилах, но была здесь климатическая особенность: дерн не прирастал из-за сухости. Закрепить вал необходимо, чтобы земля не сползала и не смывалась дождем. Поэтому, главным образом, и решили применить каменную одежду, хотя она и требовала больше времени, чем применение дерна.

Выявляется здесь и другая причина, не главная, разумеется. При рассмотрении крепостной ограды оказывается, что кладка появилась, прежде всего, на куртинах около ворот. А у Орских ворот, которые до реконструкции крепости находились рядом с Неплюевским бастионом, что видно на планах первых десятилетий, левый фланк его получил каменную одежду.

Имена ворот

- А.** Самарские, Бердские, Сакиарские.
- Б.** Сакиарские, Самарские, Чернореченские.
- В.** Орские.
- Г.** Яицкие, Уральские, Водяные.

Бастионы и полубастионы

- I Нагорный
- II Торговый
- III Бердский
- IV Провиантский
- V Воскресенский
- VI Губернский
- VII Галофеевский
- VIII Фонштоктманский
- IX Никольский
- X Неплюевский
- XI Успенский
- XII Преображенский

Крепостная ограда города-крепости

Причина здесь, вероятно, в том, что приезжавшие в Оренбург были преимущественно кочевниками, и каменная кладка должна была на них производить большое впечатление, подчёркивая мощность крепости. Чтобы увидеть всю крепостную ограду, нужно было бы объехать крепость, так как от ворот фасы бастионов не просматривались нормально.

Первоначально вал был с бермой, таким он показан на профиле у северных ворот. Затем в начале 1750-х гг. появился другой проект, его начали использовать в юго-западной части крепости. Завершённым по единому проекту, как представляется, вал не был никогда, поскольку менялись и проектанты, и обстоятельства.

Ворота были стабильнее, хотя и меняли иногда свою структуру, но незначительно. Они имели свои особенности. Меняли ворота свои названия. На помещаемом чертеже подписаны их окончательные имена. Начать можно с юго-западных, значение их существенно, так как здесь проезжали с левобережья Яика, т. е. из казахских степей и Центральной Азии. Официально назывались они сначала Яицкими, потом, после 1775 г. — Уральскими. Но в народе назывались они Водяными, потому что к ним стекала вода с большей части территории крепости. Здесь её выпускали сквозь вал через мощную каменную трубу и затем в малый ровик и в реку. Это показано на отчетном плане за 1745 год. Позже устроили пропуск воды и прямо под проезжей частью ворот, поскольку, очевидно, не вся вода вытекала рядом.

Все ворота имели сводчатое покрытие во всю ширину вала, включая валганг (проезд по валу), достигший 9 саж. В 1745 г. таким был вал только в западной половине куртины у главных северных ворот; в остальных местах, особенно по восточной стороне крепости, к этому времени насыпь была ещё очень незначительной. Работы шли при участии максимально возможного количества присылаемых на сезоны людей. К началу сезона 1752 г. результаты показаны на чертежах. Работы продолжались и далее, изменяли и сам

профиль вала, он оказался без бермы и имел один уклон, одетый камнем.

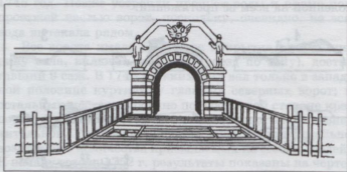
В 1760 г. в Оренбург назначен инженер генерал-майор И.Ф. Этингер к фортификационным работам. Соответственно, появился ещё вариант профиля. В эти же годы служил тут и инженер Дебоскет. Кладку ввели с контрфорсами, что позволяло делать ограду очень крутой. Но эти профили получили очень незначительное развитие, так как требовали длительной работы и соответствующих материалов¹⁵. На плане начала 1760-х гг., который не датирован, но по некоторым признакам может быть отнесен к 1761 - 62 гг., показаны несколько разных профилей с указанием на конкретные места вала. Здесь профили даны, но расположение их указано не на всем плане, а на его фрагментах с пояснением их расположения.

Глядя на некоторые профили, становится вполне ясно, почему П.И. Рычков в своей летописи осады писал, что когда началась крестьянская война и повстанцы во главе с Пугачевым приближались к Оренбургу, можно было через вал и ров местами переезжать верхом на коне. Такое состояние ограды связано было, видимо, и с тем, что после отъезда И.И. Неплюева в 1758 г. и до 1768 г., когда губернатором стал И.А. Рейнсдорп, сменились за 10 лет три губернатора. Здесь можно ещё раз обратить внимание на Перспективу А. Ригельмана, где крепостная ограда показана великокопешной на всем её протяжении.

Профили вала

Интерес представляют Яицкие ворота с мостом согласно чертежу 1760 г. По желанию императрицы Елизаветы Петровны, на них следовало поставить дополнительные каменные ворота, т. е. украшение с арматурой, лицом на киргиз-кайсацкую степь. Это соорудалось в благодарность за подавление бунта в 1755 г., начатого башкиром Алаевым. И.И. Неплюев выполнил высочайшую волю. Помещаемый рисунок сделан по чертежу 1760 г., где их начертание, видимо, условно, так как всё поставлено было ещё при И.И. Неплюеве, никогда не откладывавшим распоряжений. Под гербом были инициалы И.Р.Е. – Императрица Российская Елизавета и ниже дата – 1755 г. Герб окружен пирами, знаменами, пушками, ядрами; всё это фланкируют две фигуры. Высота проема Яицких ворот в метрической системе приблизительно 3,6 м, ширина его – 3 м, общая высота более шести метров. Интерес представляет и мост на том же чертеже. В средней части его два люка по сторонам. Ширина между люками соответствует таковой у ворот. Движение через эти ворота было, вероятно, значительным. Многие из проезжающих были кочевниками, и расстояние между люками – мерка для повозок, чтобы не создать затора в воротах. Остальные ворота имели, вероятно, проемы таких же размеров, но позже были внесены изменения, о чем будет сказано в соответствующем разделе.

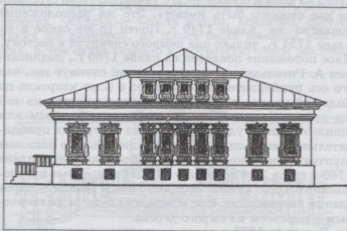
Яицкие ворота с мостом через ров

1760-е годы никаких существенных изменений не внесли, если не считать замену времянок на более прочные постройки у части владельцев, а также окончательную застройку всех кварталов. В северной части города появились соляные амбары. Постройка была солидной, находилась к северу от совр. ул. Краснознаменной вдоль главной улицы около 65 м по её восточной стороне. Художественной ценности амбары не представляли, но своим объемом выделялись.

Уместно сказать здесь и о главной гауптвахте, подвергавшейся перестройке в первые десятилетия, нельзя исключить и попытки перестройки. П.И. Рычков в Топографии, изданной в 1762 г., так описал её: «Гауптвахта о середине самого города с несколькими поколениями, над которыми сделан купол, где стоят и боевые градские часы с небольшими колоколами, а наверху её государственный герб». На плане 1746 г., где дана ситуация 1745 г., гауптвахта у перекрестья геометрических продолжений восточной стороны Большой и южной стороны Штабской улиц (совр. Советская и Ленинская соответственно). В экспликации сказано: «о 4-х покоях из дикаго камня, а наверху деревянный кубал на коем и боевые часы с указательными стрелами на две стороны быть имеют». Это же расположение показано на плане 1749 г. Почти то же самое и на плане 1751 г., только она немного сдвинута к востоку. Иное положение показано на плане 1760 г., подписанном А. Ригельманом; прямоугольник сдвинут так, что его ось приблизительно совпадает с осью квартала по Большой улице, но северная сторона остается на той же линии. Здесь тень дана с куполообразным или шпалеобразным удлинением. Сама постройка приблизительно в два раза уже предыдущей. Так же показана гауптвахта на упоминавшемся недатированном плане 1760-х годов. Это позволяет сделать некоторые предположения. Одно из них: построено новое здание – старое здание снесено, так как обветшало будучи фахверковым с каркасом из сырого дерева.

В начале 1770-х годов появилась одна довольно своеобразная постройка – Лютеранская церковь. Люди

германских корней служили в Оренбурге с самого начала. Эта были и инженеры разного профиля, и архитекторы, главный из которых упоминался. Число их постепенно увеличивалось, так что Императрица Екатерина II в 1767 году указала иметь военного пастора в Оренбурге. Для строительства церкви лютеране купили казенное дворовое место, ранее принадлежавшее одному из губернских секретарей, к югу от бывшего дворового места П.И. Рычкова, где находилась казенная аптека. Строительство церкви завершили в 1772 г. Постройка была деревянной на высоком каменном цоколе. Главный фасад выходил на Губернскую улицу, вход был с северного торца здания. На помещаемом рисунке видно, что левый фасад, который имел длину около 21 м, решен выделением молитвенного зала пятью оконными проемами, между которыми почти не заметно простенков, они были узкими и прикрыты наличниками; а также наличием аттиковой стенки с небольшими проемами, соответствующими первым по вертикали. Это было вторым светом зала, выделявшимся и более крутым наклоном вальмовой крыши. В XIX веке церковь два раза перестраивали.

Евангелическо-лютеранская церковь

Архитектор точно не известен, но им мог быть и И.В. Мюллер, окончивший свой жизненный путь в 1774 г. (данные не проверены). В те годы здание Лютеранской церкви оживляло эту часть главной улицы как своим довольно значительным объемом, так и необычностью, хотя ни башен, ни шпилей у здания не было, так же как и колокольни.

Других особенных построек внутри крепости до осады Оренбурга повстанцами зимой 1773 - 1774 гг. не отмечено. Не появились они и в первые годы после крестьянской войны, поскольку основное внимание было обращено на реконструкцию крепостной ограды, а в 1786 году сильный пожар охватил город, уничтожив около 2/3 построек, по плану 1797 г., где указаны кварталы новой застройки. Наступил второй период существования крепости.

Прежде чем начинать описание второго периода, нельзя опустить комплекс Менового двора, тесно связанного с городом, с его функцией – быть центром торговли с востоком. На проектном плане он нанесен на европейской стороне к западу от крепости. Строить его здесь не стали, а построили сразу за Яиком, где сейчас старица. В 1744 году он уже начал функционировать. Постройки были, разумеется, временными, что в данном случае оказалось удачным, поскольку в 1749 году весеннее половодье его полностью смыло. Винить в этом никого нельзя, так как берег здесь высокий. В это же половодье залило и половину Орской крепости, после чего её стали строить по другую сторону Преображенской горы, где была уже ограда. На старом месте восстанавливать двор не стали, а построили его на более высоком месте в 2,5 км от переправы через Яик. Строительство началось в 1750 г., и строили его сразу капитально (см. стр. 20). Он был кирпичным и покрыт листовым железом, площадь – около 19,5 гектара. Состоял из двух дворов: большего внешнего и внутреннего малого. На плане видно, что он почти правильной квадратной формы, стороны около 440 м. Внешний четырехугольник образовывался лавками и амбарами, обращенным внутрь двора с задней глухой стеной

высотой около четырех метров. Углы его связывались бастионами с батареями, первоначально это был вал высоты около двух метров, потом устроили стены с амбразурами. Бастионы имели небольшие рвы перед фасадами и фланками, доходившими до стены двора. В сторону города и со стороны степи были ворота, встроенные в двухэтажные здания. Над первыми была квартира для директора таможни, а над вторыми – помещение пограничной таможни. Меньший четырехугольник – «Азиатский двор» со сторонами 115 - 117 метров. Лавки обращены были внутрь и наружу. Здесь тоже было двое ворот, над одними была упоминавшаяся выше церковь. Меновой двор выделялся в степи своей протяженностью, четкими линиями горизонталей карниза и конька крыши, пропорции были приблизительно 1:100.

Гравюра XVIII века не представляет его правильного вида, да и не могла бы представить, поскольку требовалось бы значительное протяжение материала, если не дать фрагмент его с угла. Гравюра дает только информацию о частях комплекса.

Завершая разговор в первом периоде или полупериоде существования города-крепости, следует назвать имена известных архитекторов и инженеров, участвовавших в работах по застройке и фортификации Оренбурга, часть из них не упоминалась. Первый по времени архитектор – Лейтгольд, три раза упоминаемый П.И. Рычковым в связи с планом у Красногора; военный инженер Лука Галофеев, инженер Тельной, оба начали служить ещё до основания города; военный инженер Михаил Борисов – помощник начальника инженерной команды; инженер генерал-майор фон Штокман, командовавший закладкой, разметкой и началом строительства города; архитектор Иоган Вернер Мюллер – начал служить в Оренбурге с 1746 г.; военный инженер Андрей Эттингер – служил в Оренбурге с 1761 г. до начала 1770-х гг., производил съемки местности; инженер генерал-майор Иоган Ф. Эттингер – служил с 1760 г., занимался фортификационными работами не только в Оренбурге, но и по всей линии;

архитектор Петр Гарезин, с 1780 г. – архитектор Оренбургской полиции; каменотес Брагин, прислан из Петербурга в Оренбург, где закончил жизнь в 1755 г. В период перехода ко второй половине существования крепости служил уездным землемером в 1788 поручик Назар Васильев, ему пришлось, вероятно, делать снимки новых структур и пр. (Здесь и далее большинство данных об архитекторах и инженерах, связанных с Оренбургом, взяты из списка, подаренного автору Александром Владимировичем Позднуховым, главным архитектором проектов, главным специалистом по историко-архитектурным исследованиям Санкт-Петербургского НИИПИ градостроительного проектирования.)